

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Е.А. Горячева

ПОПЫТКИ НОВЫХ ДЕМАРКАЦИЙ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК (на примере работ С. Уреты и Г. Киена)

В статье рассматриваются тенденции по сближению методологических разработок в социологии и антропологии на примере направления «технография». Анализируется вклад в технографию Себастьяна Уреты и Гранта Киена, намечаются перспективы междисциплинарных разработок направления «технография» в социологии.

Ключевые слова: «технография», приватное пространство, публичное пространство, технологическая перформативность, методология, междисциплинарный подход, медиа, техника, технологии.

Keywords: “technography”, private space, public space, “technological performativity”, methodology, interdisciplinary approach, media, technology.

В рамках существующей тенденции освоения социологией смежных междисциплинарных пространств, использования результатов культурологических, антропологических исследований, происходит и рефлексия в отношении повседневных практик создания, использования, распространения техник и технологий. В процессе постепенного сближения социологии с антропологией уже можно говорить о формировании не только общего методологического поля, но и о сближении теоретических направлений исследований, которые одновременно характеризуются как антропологические и социологические исследования современного технологического мира. Так, благодаря процессам сближения методологической и теоретической составляющей обеих наук происходят процессы, обуславливающие появление новых горизонтов в предметном и методологическом полях социальных наук.

Современные технологии ускоряют и увеличивают мобильность современного человека настолько, что у исследователей данных феноменов встает вопрос о существовании каких-либо национальных границ в практиках осваивания, использования этих технологий. Особенно процесс разрушения границ связан с техническими устройствами, позволяющими выходить во всемирную сеть из любого места нахождения индивида: сотовые телефоны с возможностью выхода в Интернет, нетбуки, ноутбуки, другие современные гаджеты. При этом исследователи отмечают, что несмотря на глобальность этих практик, они все же находятся в социокультурном поле, которое коннотирует те или иные практики использования технических устройств. Современные западные авторы, посвящающие свои работы повседневной «технической перфомативности» («*technological performativity*») (Kien 2009), уделяют большое внимание и различным современным медиа. Некоторые исследователи, позиционирующие свои исследования как медиаантропологию (например, проект «медиа-антропология» объединяет более 250 авторов — <http://www.media-anthropology.net>), признают, что рассматриваемые ими проблемы выходят за рамки самой антропологии и глубоко связаны с социальными и культурными основаниями бытия человека.

Сближение социологии с антропологией имеет глубокие корни. Еще в начале XX в. быстрая индустриализация и урбанизация породила методологический вызов, на который чикагская социологическая школа нашла ответ в антропологии. Именно к чикагской школе восходит применение в социологии антропологических методов включенного наблюдения, т. е. включения социального исследователя в жизнь изучаемого объекта, «вживания» в его роль. В рамках школы был создан жанр этнографического описания современной городской жизни, что способствовало расширению методологического арсенала социологии (Николаев 2004).

Сегодня перед антропологическими исследованиями стоит та же проблема, что и перед социологическими: новый объект исследования — социум — под воздействием техники и технологий требует нового исследователя. Формируются направления, призванные наметить путь для дальнейших исследований нового объекта. Такие направления, как, например, антропология современного технологического мира, определяют новые демаркации предметного поля социальных наук. Вслед за новаторскими работами Марка Оже («Ничейное место», «Этнолог в метро», «Смыслы Других» и др.) появилось множество исследований феноменов повседневности, новой социальной реальности. Сегодня, как и во времена Чикагской школы, в социологии активно используются антропологические методы, привлекаются разнообразные теоретиче-

ские основания для формирования новых подходов. Проиллюстрировать все сказанное мы бы хотели на примере работ Себастьяна Уреты и Гранта Киена, особенно интересных в рамках заявленной темы.

Себастьян Урета окончил социологический факультет Католического Университета в Чили, получил PhD в Лондонской Школе Экономики, его научным руководителем был Роджер Сильверстоун. В настоящее время задействован в работе Антропологической Сети (EASA Media Anthropology Network) (Papacharissi 2010), на сайте которой не только публикует свои работы в качестве члена данной сети, но и участвует в активных обсуждениях своих публикаций и публикаций других членов сети в формате электронных семинаров (e-seminars). Обсуждаются работы, посвященные медиа антропологии и медиа технологиям.

Особый интерес вызывают работы С. Уреты, посвященные практикам использования мобильного телефона и практикам размещения телевизора в доме в г. Сантьяго (Чили). Урета рассматривает проблему символического и практического размещения телевизора в качестве объекта материальной культуры в домах семей с низким доходом. Семьи, являющиеся объектом его исследования, недавно переселились из трущоб в новый жилой комплекс, и ученого интересует, каким образом изменятся практики размещения телевизоров в их новых домах (Ureta 2008a). В другой своей работе (2008b) на примере тех же семей Урета изучает изменение практик использования мобильного телефона в их повседневной жизни в связи с переездом. В обеих работах исследователь не случайно выбирает именно технические и медийные средства: именно практики, связанные с ними, репрезентируют социальные изменения в век глобализации и всеобщей мобильности.

Урета утверждает, что в связи с переездом в новое жилье телевизор приобретает для небогатых семей роль основного символа благосостояния, выраженного в материальной культуре, поэтому изучение практик его размещения очень важно для понимания оценки жителями своего социального положения. Наличие телевизора символизирует «нормальное» социальное положение семьи, ее приближенность к другим семьям рабочего класса, которые уже давно живут в квартирах: *«Переезд в квартиру жилого комплекса воспринимается большинством как то, что они все еще являются рабочим классом, однако в другом виде, в виде «нормального» рабочего класса, живущего в городе»* (Ureta 2008a: 480–481).

Таким образом, феномен «догоняющего потребления» для этих семей связан с практиками использования телевизора. Телевизор формирует новые зоны домашнего пространства как в качестве материального объекта (приватные зоны), так и в качестве символически значимого объекта (публичные зоны), что важно для семей в их стремлении достичь положения «нормальной» семьи, завоевать определенный соци-

альный статус, добиться престижа в глазах соседей. Исследователь старается понять, какое символическое значение имеет телевизор в различных частях дома, выделяет эти части: публичная часть дома и приватная, личная. Он проводит глубинные интервью с жителями и выясняет, что практики размещения и использования телевизора в этих частях дома символически и функционально различаются. «Публичное» (официальное) пространство образует чаще всего гостиная, прихожая и центральный коридор, соединяющий все комнаты в доме. Здесь принимают гостей, и это пространство обычно более декорировано, украшено. В этом пространстве доминирует именно символическое значение телевизора, а его функциональное значение нивелируется: многие интервьюируемые отмечают, что включать телевизор во время приема гостей — невежливо, это мешает общению. Однако, по мнению опрошенных, социальное окружение обязательно должно оценить само наличие телевизора в гостиной, это подчеркивает принадлежность к «нормальному» образу жизни, который свойственен рабочему классу, как считают сами интервьюируемые. Урета делает вывод, что в данном пространстве телевизор не важен в качестве функционального объекта, но важен как материальный символ: *«Телевизор в ритуальном месте высоко ценится не как медиатехнология, ресурс развлечения и информации, но прежде всего как материальный символ»* (Ibid: 488). В «публичном» пространстве телевизор обычно занимает центральное место и всегда устанавливает соответствия между окружающими его вещами, т. е. формирует порядок расположения материальных вещей. Здесь же могут располагаться другие вещи, имеющие символическую значимость для жильцов, например алтарь. Данные выводы можно сопоставить с выводом А.С. Кучумовой, изучившей символическую значимость расположения телевизора в русской избе (Кучумова 2010). Она выяснила, что телевизор, расположенный в красном углу избы, не случайно соседствует с иконой: у данных вещей сходно именно символическое значение. Икона как вещь символизирует «связь с Богом», а телевизор символизирует связь с земным миром, передает земную информацию. Таким образом, можно сделать вывод о том, что телевизор имеет сходное символическое значение в повседневных практиках чилийских и русских семей.

Второй вид пространств, которые выделяет Урета, — «приватные», не предназначенные для гостей. Это функциональные места: кухня и спальня. Символическое значение телевизора здесь не важно, и здесь также редко используют его по назначению, потому что *«кухни и другие функциональные места достаточно малы и часто переполнены, и расположение в них телевизора является невозможным для большинства этих семей»* (Ureta 2008a: 489). Опрашиваемые отмечают, что в данных про-

странствах они предпочитают телевизору радио. В спальнях часто есть телевизор, однако он здесь находится как функциональная вещь. Респонденты говорят, что он может мешать нормальной жизни супругов, мешать сну детей. *«По контрасту с почти сакральным статусом, который он имеет в гостиной, отметим крайнюю простоту телевизора, расположенного в спальне. Здесь нет украшений, и ТВ частично накрыт тем, что похоже на ракетку для детской игры, развернутую к незаправленной кровати, покрытой горами одежды»* (Ibid: 489). Интимные пространства, также являющиеся «приватными», состоят из двух ванных комнат: для хозяев и близких друзей. Телевизор здесь также не нужен.

Работы Уреты вызывают интерес со стороны различных специалистов, что показывает, как широко может применяться этнографический подход, в том числе и для изучения повседневных практик, связанных с техникой и технологиями. Хотя Себастьян Урета проводит свои исследования в жанре «медиаэтнографии», они по своему объекту схожи с проектами, которые предлагают другие исследователи новой технологической реальности в качестве технографических. Также важно отметить, что Урета исследует те медиатеchnологии (телевизор, телефон), которые сегодня являются повсеместными, даже устаревшими, однако использованная им методология могла бы помочь в разработке подходов к изучению современных практик использования новых мобильных технологий, исследование которых только начинает разворачиваться в социологии и смежных науках. Таким образом, можно заключить, что в междисциплинарном дискурсе не существует преград для формирования новых направлений, в том числе для формирования технографии, которую Г. Киен заявляет в качестве основополагающего направления своих исследований, надеясь на ее расширение и продолжение.

Интересно изучить критику, которую норвежский антрополог Джо Хелли-Валли (Jo Helle-Valle), участник электронного семинара, адресует Урете. Антрополог упрекает Урету в том, что его исследование нельзя назвать этнографическим: он не использует метод включенного наблюдения (классический метод антропологии), а опирается лишь на глубинные интервью с семьями в Чили, использующими мобильные телефоны и телевизоры (E-Seminar... 2006). Однако Урета считает, что его исследование этнографическое «скорее по духу» и его совсем не обязательно относить к «чистой этнографии». Урета не говорит о необходимости расширения методологического поля этнографии, определяя свое исследование скорее как социологическое. Он не использует термина «технография», однако признает, что его работы являются междисциплинарными, поисковыми, что отражает рассматриваемую в настоящей статье тенденцию к сближению социальных, культурологических и этнографических исследований.

В дискуссии электронного семинара стоит обратить внимание на комментарий Сюзан ДиДжиакомо (Susan DiGiacomo) из Массачусетского университета (University of Massachusetts). Она спорит с Джо Хелли-Валли о его понимании методологии этнографии применительно к работе Уреты. ДиДжиакомо отмечает, что если под «полем» этнографического исследования понимать удаленное от дома место, где мы «открываем Другого», то в современном западном обществе постмодерна вряд ли большинство исследователей сможет найти такое поле. Поэтому, по ее мнению, обвинение в неортодоксальном понимании этнографической методологии не имеет под собой оснований (E-Seminar... 2006).

Сюзан ДиДжиакомо затрагивает проблему глобализации в практиках использования технологий, и ту же проблему будет рассматривать Грант Киен в своей работе “Global Technography: Ethnography in the Age of Mobility”, где он обсуждает необходимость переопределения понятия поля в этнографическом исследовании. Грант Киен (Grant Kien), доцент кафедры исследований коммуникаций (Department of Communication Studies) в Калифорнийском университете в Ист Бэй (California State University East Bay) и его бывший студент Норман Дензин (Norman Denzin) представляют новую методологию изучения беспроводной мобильности (Kien 2009).

Элисон Пауэлл в рецензии на работу Киена отмечает, что автор ищет философские и теоретические основания для формирования новой методологии, которая призвана изучать новую, технически опосредованную мобильность, искать ключевые смыслы для ее понимания, а также природу социальных отношений, опосредованных современными технологиями. Пауэлл отмечает, что Киен в своих взглядах достаточно радикален, как радикальна и предлагаемая им технография в качестве глобальной этнографической методологии. По мнению исследовательницы, технография в работе Киена показана на примерах глобальных ситуаций повседневных практик, объединяющих социокультурный, онтологический и технологический аспекты. На примере собственного опыта Киен демонстрирует, как такие категории, как «принадлежность», «дом» и «любовь», технически опосредуются в повседневной жизни (Powell 2010).

Грант Киен описывает, развивает и иллюстрирует примерами методологию, которую он называет «Глобальной технографией». Киен пишет, что был вынужден изобрести данную методологию в процессе чтения курса, в котором объяснял широкий социальный феномен мобильности в контексте глобальной сети, медиа и повседневного взаимодействия (performances) человеческих акторов и медиатехнологий, которые совместно и создают то, что является нашим жизненным опытом.

Действуя в рамках традиционной этнографической методологии, Киен постарался найти и определить физическое поле исследования, и в этом поиске и появилась концепция технографии.

В более ранней работе Киена можно найти его рассуждения по поводу самого термина «технография»: он пишет, что хотел бы исследовать этнографию технологий, и данный термин пришел ему в голову, когда он пытался придумать название для такой этнографии, которая бы изучала технологии в повседневных социальных ситуациях (Kiен 2008). Киен не считает себя изобретателем термина, отмечая, что он лишь «переизобрел» его и что данный термин появился в антропологической литературе еще в XIX в. Технография — это «конкретные формы бытования технологий и «технологичных» вещей в повседневной жизни», и некоторые исследователи полагают, что технографию, предлагаемую Киеном и другими авторами, необходимо считать прежде всего методом, а не самостоятельной предметной областью, концепцией. В нашем случае интересно, как концепция технографии сближает социологию и этнографию в рефлексии по поводу новой, технологически детерминированной социальной реальности и создает новые возможности для формирования смежных подходов к ее изучению.

Книга начинается с рассуждений автора о необходимости переосмыслить само традиционное понимание исследовательского поля как закрытого элемента (объекта) исследования наук, ведь территориальное его ограничение просто невозможно в эпоху глобальной мобильности. Сегодня повсеместное использование мобильных технологий («mobile technology usage») создает уникальные условия для существования мобильности. Попытка определения поля исследования в пространстве («spatializing»), как это происходило в классических социокультурных, этнографических исследованиях, приводит исследователя к определению поля в качестве глобальной сети («global network»).

Киен полагает, что изобретение термина «технография» и ретероретизация этнографического поля в борьбе с вездесущим электронным пространством позволяет этнографически задокументировать (зафиксировать) наш «очень индивидуальный опыт», связанный с технологиями, всевозможные отношения, мысли и чувства, в которых технологии принимают участие. Глобальная технография помогает нам показать динамичность технологий и их существенную вовлеченность в повседневные взаимодействия. Киен убежден (и здесь он солидарен с А. Лэфевром и Э. Соджа), что технография привлекает внимание исследователя к тому, что техническое и ситуационное окружение («backdrops») наших повседневных интеракций находится в одном пространстве с людьми и заслуживает особого внимания. Таким образом, поле «повляется» вокруг устройства каждый раз, когда устройство использует-

ся, и внимание к такому постоянно изменяющемуся соседству с устройствами становится определяющим параметром поля изучения.

Киен ссылается на работу М. Хайдеггера «Бытие и время», в которой Хайдеггер помещает человека в сердце технологии, предлагая феноменологию, сконцентрированную на интеракциях человека и машины. С точки зрения Киена, Хайдеггер прав: технику невозможно отделить от онтологии ввиду ее глубокой взаимосвязи с повседневным опытом. Такое объяснение позволяет выйти за рамки сенсуализма и дихотомии «внутреннее — внешнее» («inside / outside»).

Также Киен признает, что исследует технологии исходя из перспективы *media studies*. Медиа, по его мнению, способны оказывать глубокое воздействие на социум и культуру, и использование технологий («put in use») социально и культурно детерминировано. В итоге Киен создает интересную перспективу глобального поля беспроводных технологий, которые, несмотря на свои глобальные характеристики, проявляют свои свойства в повседневных интеракциях по-разному, соответственно традициям и обычаям каждого конкретного социума и культуры, т. е. остаются культурно детерминированными. Однако сама национальная идентичность, по Киену, может быть технически реконструирована в любом месте, без привязки к физической территории, и этот феномен, по Киену, «технологический национализм» («technological nationalism»), возможен именно благодаря изобретению беспроводных технологий, а его действие может начинаться с выбора языка в браузере компьютера или нетбука в наших повседневных рутинных практиках (Kien 2009).

Согласно Киену, методологический вызов заключается в том, что этнография традиционно изучает человеческие интеракции в рамках физически ограниченного «поля» исследования. Такой вид антропологии полезен для изучения «иноземцев в далеких странах», а также городских пространств — в местах, физически определяемых. Однако изобретение киберпространства повлекло за собой изобретение виртуальной реальности, приход виртуальной культуры, онлайн-коммуникаций и киберсоциума. Эти социальные эксперименты стали возможны благодаря развитию технологий (точнее — беспроводных принимающих и вещающих беспроводных технологий), что и повлекло за собой необходимость реконцептуализации этнографического поля, которое больше не является исключительно статичной схемой (проектом) интеракций. В рамках традиционного подхода чаты и иные способы онлайн-взаимодействия интерпретировались так, как если бы они являлись обычным зданием или городским кварталом. Детерриторизация технологического опыта приводит к изменению этнографического поля от сервероцентрированной модели к сетевой модели, ведь сегодня люди общаются

ся в чате, находясь в любом месте и не выходя из данной локации («environment»). Таким образом, в новой глобальной реальности необходимо вооружиться «глобальной технографией» в качестве инструмента исследования, учитывая при этом изменение в самом объекте, поле исследования, которое уже не статично, а динамично возникает в сердце самих практик взаимодействия людей с мобильными медиатехнологиями.

Для создания своей «синтетической теории» Киен во многом опирается на акторно-сетевую теорию: он отмечает, что изобретение «технографии» не предполагает замены акторно-сетевой теории, — наоборот, Киен стремится расширить способы ее применения на практике. Именно из положений акторно-сетевой теории Киен заимствует и переносит на технографию понимание взаимоотношений человека и машины как сложных и вездесущих, однако в конечном счете поддающихся документированию, и уверенность в том, что они достаточно хорошо обнаруживают себя.

Киен пишет, что создавая новую концепцию, он стремился предложить исследователям «технологической перфомативности» в социуме пример того, как возможно, преодолев традиционный подход символического интеракционизма, продвинуться в развитии количественных исследований. Также он стремился доказать, что признание технологий частью повседневной жизни не обязательно ведет за собой сенсуализм в научном исследовании.

Подводя итог, Киен говорит, что пытался найти гармонию между акторно-сетевой теорией, философией техники Хайдеггера, интерпретивной исследовательской теорией Нормана Дензина и своим личным опытом включенного наблюдения как глобального гражданина («global citizen») и внутреннего чужого («inside outsider»). Главное положение работы Киена лежит между предположением Латура о том, что машины созданы для того, чтобы определять социальные программы, и хайдеггерианским утверждением о том, что люди являются «двигателями» технологий. Наконец, Киен считает, что его положение глобального гражданина, технически образованного чуть выше среднего, помещает его в уникальную ситуацию, в которой он имеет право изобрести технографию, которая может показать результаты технологически возможной мобильности в контексте глобализации.

Пауэлл критикует методологию Киена, считает ее провокационной, однако отмечает, что в ней есть рациональное зерно. Она считает, что Киен, справедливо относя идеи Хайдеггера к теоретическим предпосылкам концепции технографии, тем не менее, неверно трактует их. Не обязательно, не всегда и не при каждом выходе в Интернет мы формируем сложную идентичность, и даже в век мобильности мы можем находиться

в каком-либо месте и использовать технологии для того, чтобы выражать нашу принадлежность именно к этому месту, культуре или стране, а не стремиться к глобальной идентичности (Powell 2010). Однако появление все новых и новых исследований и обзоров, так или иначе затрагивающих «антропологии технологий» (Papacharissi 2010), позволяет говорить о том, что имеется тенденция формирования нового концептуального поля вокруг повсеместных практик использования технологий.

Таким образом, на примере концепции технографии Г. Киена и медиа-этнографических исследований С. Уреты можно сделать вывод о том, что новый дисциплинарный облик социологии формируется в необходимости поиска новых смыслов и рефлексий, в том числе и относительно новых вызовов, обусловленных развитием технологий, их использованием. Социологические исследования могут и должны использовать как методологические, так и теоретические разработки смежных областей, что необходимо не только для развития междисциплинарных исследований, но и для усиления теоретических позиций самих социологических и этнографических исследований.

Литература

Иконникова Н.К. Технография как метод изучения социальных и культурных процессов // Потребление как коммуникация — 2010 / Под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. Материалы VI международной конференции, 25–26 июня 2010 г. СПб.: Интерсоцис, 2010.

Кучумова А.С. Красный угол. Положение в пространстве (location) как семантический признак вещи [http://www.folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php].

Николаев В.Г. Чикагская школа социологии // История социологии (XIX – первая половина XX века) / Под ред. В.И. Добренкова. М., 2004.

E-Seminar on Sebastian Ureta's working paper: "Locating the TV: Television placement and reconfiguration of space in low-income homes in Santiago, Chile". 2006. 20–26 June.

Kien G. Global Technography: Ethnography in the Age of Mobility. New York: Peter Lang, 2009.

Kien G. Technography = technology + ethnography: an introduction // Qualitative Inquiry. 2008. Vol. 14 (7).

Papacharissi Z. Review Article: Toward a technography of cyberspace // New Media & Society. 2010. Vol. 12 (3).

Powell A. Review Article: Method, methodology, and new media // New Media & Society. 2010. Vol. 12 (6).

Ureta S. Locating the TV: Television placement and the reconfiguration of space in low-income homes in Santiago, Chile // International Journal of Cultural Studies. 2008. Vol. 11 (4).

Ureta S. Mobilizing Poverty?: Mobile Phone Use and Everyday Spatial Mobility Among Low-Income Families in Santiago, Chile // The Information Society. 2008. Vol. 24 (2).